

Верасич И.Ю. (Мозырь, Беларусь)

ПЕТЕРБУРГ Н.А. НЕКРАСОВА

(к вопросу об урбанистической тематике в русской классике XIX века)

Современное литературоведение неоднократно обращалось к изучению сквозных тем в русской классике, к числу которых относятся урбанистические произведения А. Пушкина, Н. Гоголя, Н. Некрасова, Ф. Достоевского. Урбанистическая тематика русских писателей переросла в мифологию большого города: одни создавали отдельные картины жизни Петербурга, ощущая свою связь с ним, другие создавали целостный портрет северной столицы, третьи осмысливали тему Петербурга относительно системы собственного мирозерцания, четвёртые рисовали Петербург как целый мир, живущий своей жизнью.

Петербург – один из сквозных образов поэзии Н.А. Некрасова. Изображая этот город, поэт во многом продолжает традиции предшественников (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя). Прежде всего, это видно в двойственности природы российской столицы, как она представлена у Некрасова.

С одной стороны, мы видим ослепительно яркий, помпезный город, обладающий только одному ему присущей красотой:

*Всё свежо, все эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!* [2, с. 72].

Здесь немедленно вспоминается пушкинское: «Город пышный, город бедный, / Дух неволи, стройный вид, / Свод небес зелено-бледный, / Скука, холод и гранит». Живописуя Петербург в поэме «О погоде», Некрасов использует пушкинский приём перечисления объектов, как в знаменитом описании Москвы из седьмой главы «Евгения Онегина». В воображении читателя возникает отчётливая движущаяся картина:

*В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!* [2, с. 162].

Этот Петербург соотносим с царством Мороза из поэмы «Мороз, Красный нос». Выражаясь языком романтической поэзии, это своего рода «зимняя сказка», атмосфера, исполненная волшебства и роскоши. Однако есть у Петербурга и другое обличье, сосуществующее с первым. Волшебная зимняя сказка только фасад, скрывающий подлинное страшное лицо города. Здесь человек находится в атмосфере хаоса и дисгармонии. Утеряна связь между ним и окружающим миром.

Н.А. Некрасов стал писать цикл стихотворений о нелёгкой судьбе петербургской бедноты под видом заметок о погоде. Подвальные, сырые комнаты, ночлежки, ничтожные заработки, нужда – мало кому из писателей той эпохи пришлось пройти столь суровую школу жизни. Жизнь городского дна стала известна писателю не по чужим рассказам, а по собственному опыту. Именно тогда в нём зародилось понимание социальной несправедливости, горячее сочувствие к беднякам, к жертвам большого города. Обращаясь к Пушкину в поэме «Несчастные», как к певцу Петербурга, Некрасов говорит:

*О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых...
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвной полночи безлунной,
В движенье гордой суеты!*

*...Душа болит. Не в залах бальных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта* [2, с. 180].

Погода – это «выражение лица» города, если идёт дождь, можно сказать, что он плачет, выглянувшее солнце кажется нам улыбкой.

Петербург предстаёт перед нами то рыдающим, то с прекрасной и одновременно смертоносной улыбкой мифической Горгоны, когда красота зимних улиц оказывается для человека губительной. Он старается сделать всё, чтобы досадить человеку: летом подымает столбы пыли, весной нагоняет завесу тумана. Этой чередой выражений гнева, горя, ужаса и страха Некрасов противопоставляет спокойное, умиротворённое описание сельской идиллии:

*Солнце, воздух, цветов аромат –
Это всех поколений наследство* [2, с. 171].

Петербургская погода – традиционный символ, вбирающий в себя многие мотивы (социальная ситуация, голод, нищета):

*Ты знаком уже нам, петербургский бедняк...
Обесмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой* [2, с. 65].

Ещё один важный мотив в поэме «О погоде» – болезнь, которая тоже вызывается гнилым, непригодным для человеческой жизни климатом (Этот мотив до Некрасова встречался у Гоголя – И.В.). Мотив болезни, постоянно нагнетаемый в ходе повествования, приобретает всё большую символическую глубину: само существование города Петербурга в таком контексте воспринимается уже как болезненный результат какого-то опасного процесса, зловещего катаклизма.

Нетрудно обнаружить гоголевские мотивы и в таком «чисто петербургском» стихотворении Некрасова, как «Размышления у парадного подъезда». Возникает хорошо знакомая читателю Гоголя петербургская сакральная коллизия: «маленький человек – значительное лицо». Здесь она усилена ещё и тем, что в роли «маленьких людей» не мелкие чиновники, а почти бесправные крестьяне – «мужики, деревенские русские люди».

М.О. Гин, анализируя это стихотворение, подчёркивает, что своеобразным «контрапунктом» к петербургскому «антипейзажу» выглядит картина Волги, озвученная вековым «стоном» русского крестьянства [3, с. 128].

Некрасов изображает Петербург через уличные сцены, каждая из которых является эпизодом социальной жизни. Как правило, действие происходит в людном месте: на Сенной площади («Вчерашний день, часу в шестом»), на Невском проспекте («Кому холодно, кому жарко!» из цикла «О погоде»), у ворот богатого дома («Размышления у парадного подъезда»). Каждая сценка даётся Некрасовым крупным планом; в кадре мы видим усталые лица крестьян, в растерянности дающих «скудную лепту» самодовольному швейцару, или бравого усача, летящего на тройке «потешиться лихо» на кладбище («Кому холодно, кому жарко!»), предметные реалии, попадающие в поле зрения поэта, становятся социальными знаками: так, в облике простых «деревенских русских людей» он отмечает дыры на армяках и стоптанные лапти; в стихотворении «Вор» наряду

с «дырявым сюртуком» «похитителя калачей» от внимательного взгляда автора не ускользает и болезненный цвет лица, и дрожащие руки несчастного.

Не случайно вместе с природными бедствиями, буквально через несколько страниц, Некрасов описывает человеческое злодеяние, совершённое богатыми против бедных.

Мотив бесправия и страдания незащитных ни в чём не повинных людей достигает своей наибольшей концентрации в мощном символе из поэмы «О погоде» – эпизод избияния лошади, где при помощи одного только повторения слова «бил» автор достигает, по замечанию Н.Н. Скатова, почти физического ощущения боли [5, с. 67]. Не случайно Ф.М. Достоевский дважды отсылает читателя к этой сцене – в романах «Преступление и наказание» (сон Раскольникова) и «Братья Карамазовы» (философский спор Ивана и Алёши), причём в последнем примере звучит прямая ссылка на Некрасова.

Некрасов и Достоевский описывают слабую, незащитную «клячонку», которая не в состоянии справиться с «непосильной ношей»:

У Некрасова:

*Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь – калека
Непосильную ношу влача. –
... Клячонка стояла
полосатая вся от кнута... [2, с. 84].*

У Ф.М. Достоевского: «Но теперь, странное дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка (...) она дёргает изо всей силы, но не только вскачь, а даже и шагом-то чуть-чуть может справиться...» [1, с. 182].

У Некрасова описываемое животное называется – «лошадь-калека»; «клячонка». У Достоевского тоже употребляется слово «клячонка». Создавая образ избиваемой лошади, писатель употребляет существительные с уменьшительно-пренебрежительными суффиксами: «кобылёнка», «лошадёнка», с помощью которых, с одной стороны, подчёркивается невозможность бедного защитить себя, с другой стороны, показано сочувствие и сострадание автора и его героя к бедной «лошадёнке». Используются Достоевским и некоторые некрасовские эпитеты. У Некрасова лошадь «чуть жива», «безобразно тоща», у Достоевского – маленькая, тощая... клячонка», «издыхающая кобылёнка», «лядащая кобылёнка».

С помощью художественных определений писателю удаётся создать образ замученного, доведённого до смерти, незащитного животного,

которое вызывает жалость и сострадание маленького Раскольникова. Писатель показывает всё самое чистое, доброе, человеческое, что есть в герое романа.

При описании орудий истязания писателями используется приём градации. У Некрасова – это «кнут», «полено», у Достоевского – «три кнута», «оглобля», «шесть кнутов», «железный лом». Во сне упоминается ещё одно орудие убийства – топор: «Топором её, чего! Покончить с ней разом, – кричит третий» [1, с. 183]. Лирического героя Некрасова возмутила увиденная картина, но это явно рефлексирующий герой («Мы помочь бы тебе и не прочь... да себе не умеем помочь...»). Маленький Раскольников в эпизоде пытается защитить несчастную лошадь и бросается с «кулачками» на истязателя.

Сходными в эпизоде и стихотворении является и ответная реакция народа, наблюдающего происходящее.

У Некрасова:

*...Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко своё... [2, с. 84].*

У Достоевского:

*«...Вдруг хохот раздаётся залпом и покрывает всё...
– Живуча! – кричат кругом
– Сейчас беспрерывно падает, братцы, тут ей и конец!
– Кричит из толпы любитель» [1, с. 182].*

Писатели изображают равнодушную толпу. У Достоевского она даже озлобленная и злорадствующая, но в эпизоде романа «Преступление и наказание» из толпы слышатся голоса, осуждающие действие Миколки.

Подводя итоги своих наблюдений, мы приходим к следующим выводам. Стихотворение Некрасова «До сумерек» представляет собой бытовую зарисовку, заострённую социально-психологически. Достоевский создаёт картину символическую. Некрасовские художественные образы, использованные Достоевским в контексте эпизода и всего романа и подвергнутые творческой обработке, становятся образами-символами. Достоевский справедливо понял этот некрасовский образ как символ «всего страдания человеческого».

Другой похожий символ – в стихотворении «Вчерашний день, часу в шестом...»:

*Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.*

*Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!» [2, с. 75].*

Это одновременно бытоописательная миниатюра и философская притча. Случайно встреченная поэтом на улице крестьянка, которую били кнутом, при этом молчала. Именно её «красноречивое» молчание, похоже, сильнее всего поразило поэта и вызвало в воображении неожиданную параллель с «безмолвной» музой.

Один из типично петербургских циклов Некрасова – «На улице».

Творческое внимание поэта привлекают голодный, больной, безработный человек, который становится вором («Вор»); проводы в рекруты молодого парня и «бесполезное горе» его родных («Проводы»); солдат, несущий детский гробик («Гробок»); Ванька-развозчик с его «ободранной, заморенной клячей» («Ванька»). Жанр вошедших в цикл маленьких стихотворений можно определить как городскую зарисовку, или миниатюру.

Но здесь важно и то, что несколько таких миниатюр объединяются в цикле, напоминая мозаичное художественное полотно. Одна уличная драма сталкивается с другой, другая сменяется третьей, вплоть до итоговой формулы поэта: «Мерещится мне всюду драма». Совокупность сцепок придаёт стихам некоторый дополнительный смысл: речь идёт уже не о частных, отрывочных эпизодах городской жизни, а о болезненном состоянии мира. Другой пример такого видения Петербурга – стихотворение «Утро», которое содержит в себе целый набор колоритных социальных зарисовок во вкусе Достоевского. Достаточно процитировать финальную строку стихотворения: «Выстрел – кто-то покончил с собой», – чтобы передать зловещую и угнетающую атмосферу некрасовского Петербурга. В таких произведениях, как «Утро» или «О погоде», предвосхищается характерная для Достоевского проблематика – «человек и среда». Прогуливаясь по Петербургу, герои Достоевского и Некрасова путешествуют по лабиринтам своей души и не находят там ничего светлого и утешительного.

Литература

1. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Минск, 1986.
2. Некрасов, Н.А. Стихотворения и поэмы / Н.А. Некрасов. – М., 1986.
3. Гин, М. От факта к образу и сюжету / М. Гин. – М., 1971.
4. Ломан, О.В. Некрасов в Петербурге / О.В. Ломан. – Л.: Лениздат, 1986.
5. Скатов, Н.Н. Некрасов / Н.Н. Скатов. – М., 1994.
6. Якушин, Н.И. Тропа к Некрасову / Н.И. Якушин. – М.: Миф, 1987.